

Латинская Америка в контексте глобального финансово-экономического кризиса

В Институте Латинской Америки состоялся «круглый стол» на эту тему. В обсуждении приняли участие сотрудники ИЛА и других учреждений РАН. В их выступлениях анализируются истоки и причины глобального финансово-экономического кризиса, его влияние на социально-экономическую ситуацию в Латинской Америке, рассмотрены «каналы переброски» кризисных явлений, меры и результативность антикризисной политики стран региона, показаны роль интеграционного потенциала в ослаблении кризисных тенденций, особенности и результативность стабилизационной политики левоориентированных правительств.

Ключевые слова: кризис, валютно-финансовая система, Латинская Америка, рецессия, экономические циклы, кредитная система, интеграция, субрегиональные кредитные организации.

Н.Н.ХОЛОДКОВ, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Истоки и масштабы глобального финансово-экономического кризиса

Мир стоит перед лицом углубляющегося экономического спада. По последним прогнозам МВФ, темпы прироста мировой экономики в 2009 г. не превысят 0,5%. Кризис охватил всю мировую финансовую систему и быстро распространился на другие сферы экономики. Под ударом оказались и лидеры мирового бизнеса в лице финансовых конгломератов, предприятий производственного сектора (включая высокотехнологичные) и сферы услуг. Когда-то бум высоких технологий породил надежду, что этот сегмент производства позволит, если не прекратить, то хотя бы сгладить экономические циклы. Но, как свидетельствует история последних трех десятилетий, циклические подъемы и спады становятся все «круче» и сопровождаются экономическими шоками большой разрушительной силы. Потери банков и корпоративного сектора на сегодняшний день уже составляют более 5 трлн долл., или около 8% мирового ВВП.

В экономическом сообществе нет единого понимания причин сложившейся ситуации. Однако по мере углубления финансового кризиса и его перехода в стадию экономической рецессии четко обозначилась более ши-

рокая трактовка возникших в мировом хозяйстве аномалий. Несмотря на ее некоторую абстрактность, она, тем не менее, четко фиксирует основные болевые точки мировой экономики и причины ее нынешнего экстремального состояния. В соответствии с этой точкой зрения, складывающаяся ситуация является своеобразным итогом длительного цикла нынешнего этапа глобализации, проходившего под знаком либерализма и однополярного мира. Речь идет о завершении его экстенсивной стадии и об усилении противоречий между императивами дальнейшей интернационализации хозяйственного механизма и формами ее реализации, сложившимися еще в до-глобализационный период.

То есть причины турбулентных процессов носят многоплановый характер. Речь идет о переплетении экономических, политических и мировоззренческих факторов. Налицо комплексная девальвация системы глобального управления, идей, лежавших в основе современного миропорядка, политики международных кредитно-финансовых институтов, что в сочетании с наступлением новой фазы технологического цикла предопределило масштабность и глубину кризиса.

Рецессия, охватившая индустриальные центры, распространилась на развивающиеся регионы. Депрессивная волна уже накрыла, хотя в разной степени, и лидирующую группу развивающихся рынков (БРИК и другие восходящие гиганты), и экономику целых регионов, включая Латинскую Америку. Нельзя не заметить, что опыт прежних валютно-финансовых потрясений многому научил латиноамериканские страны, а сокращение уровня внешней задолженности, рост золотовалютных резервов, повышение мировых цен на минеральное сырье и продовольствие в период динамичного экономического роста (2003—2007 гг.) позволили им создать определенный запас «прочности».

Однако по мере перехода экономики индустриальных центров в стадию рецессии ухудшение ситуации в регионе стало необратимым. По уточненным прогнозам МВФ, прирост ВВП Латинской Америки в 2009 г. не превысит 1,1% (прежняя оценка была на уровне 2,5%). Для поддержания положительной динамики роста и реализации социальных программ странам региона в 2009—2010 гг., согласно имеющимся оценкам, потребуется внешнее финансирование в размере 240—260 млрд долл., что в условиях ограниченного доступа на внешние ссудные рынки практически нереально. Уже к началу 2009 г. симптомы кризисных явлений, особенно во внешнем секторе экономики латиноамериканских стран, были налицо. Не удалось сдержать резкого падения котировок акций местных предприятий, из-за снижения цен на основные экспортные товары ухудшается внешнеторговый баланс, снижаются валютные резервы, происходит отток капитала.

О последствиях современного экономического кризиса, еще не достигшего своего «дна», можно рассуждать только гипотетически. Однако, вполне очевидно, что выбор той или иной антикризисной стратегии окажет заметное влияние не только на результативность противодействия наступающему на регион спаду, но и на дальнейшую траекторию развития Латинской Америки в предстоящие десятилетия.

А.В.БОБРОВНИКОВ, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Неожиданные последствия ординарного кризиса

Был ли нынешний кризис неожиданным? Нет, он четко вписывается в общую траекторию так называемого «ординарного делового цикла», хотя имеет ряд необычных черт. Исследование динамики известного биржевого индекса *Standard and Poors 500* за 200 лет (см. рис. 1) подтвердило, что примерно раз в десятилетие биржа США чутко реагирует на негативные импульсы с финансовых рынков. Статистический анализ показывает, что самым неудачным годом каждого десятилетия чаще всего оказывается седьмой (см. рис. 2). Подобная закономерность прослеживается начиная с первого мирового кризиса 1857 г. до азиатского финансового кризиса 1997 г. и ипотечного в 2007 г.

Одновременно выявилась еще одна закономерность. За первой волной финансовых потрясений обычно следует новая волна, охватывающая реальный сектор экономики на рубеже десятилетий. Последняя может растянуться на два-три года из-за «эффекта домино». Мировая экономика сейчас находится, видимо, как раз на этапе перехода от финансового коллапса к кризису реальной экономики.

Нынешний спад впервые за 30 лет обретает контуры «мирового кризиса». В условиях электронной революции и перехода к сервисному обществу развитые страны немного «отвыкли» от глубоких спадов. Сейчас экономическая ситуация обостряется практически во всех развитых странах, на которые приходится более 70% мирового ВВП. Ухудшение конъюнктуры начинает негативно влиять и на восходящие рынки (чуть менее четверти мировой экономики). Это проявляется в падении темпов роста их экономики, заметном снижении цен на сырьевые товары и сокращении возможностей внешнего заимствования. Кризис в экономике Мексики фактически уже начался, а до конца года ситуация может заметно ухудшиться в Венесуэле, Аргентине, Эквадоре и других латиноамериканских странах.

Предвидеть глубину и ход наступающего кризиса чрезвычайно трудно. Но чтобы не впадать в глубокий пессимизм, обратим внимание по меньшей мере на два процесса, которые могут в какой-то мере сдерживать волну кризиса.

С одной стороны, за последние шесть десятилетий эффективность антициклической политики в центрах мировой системы неизмеримо выросла. Кроме того в условиях глобализации они получили дополнительную возможность «сбрасывать» кризис на формирующиеся рынки. Все это влияет на частоту и глубину кризисов.

Вновь обратимся к статистике. Кризис, как «болезнь», постоянно подстерегает экономику, а потому можно рассчитывать специальный индекс распространения кризисных явлений в экономике для длительных периодов (условно — индекс кризиса) по формуле:

$$I_{cr} = I_t * I_s * I_r * 100, \text{ где}$$

I_t — доля кризисных лет за рассматриваемый период; I_s — средняя доля экономического пространства (мира или группы стран), охваченного кризисом; I_r — глубина сокращения экономики (принимая максимальное до сих пор значение — 20% за 1).

В первой половине прошлого века — периоде третьей кондратьевской волны* — индекс кризиса в группе развитых стран составлял в среднем 5,3%, а для четвертой К-волны (1950—1989 гг.) — 0,1%. После 1990 г. показатель для центров опустился до 0,06%, а на восходящих рынках составлял 1,2% (см. рис. 4). Естественно, в отдельные годы индекс мог быть значительно выше: в 1930—1932 гг. он поднимался до 26—32%. Позднее индекс достигал пика только в годы нефтяного шока 1974—1975 гг. (2,9%) и в 1982 г. (4,5%). Если прогнозы на текущий год сбудутся, индекс кризиса может составить 9—10% и приблизиться к показателям первой половины XX в. Такой сценарий способен спровоцировать не только резкий разворот в развитии всего рыночного хозяйства, но и небывалую политическую турбулентность. Однако, если подобное развитие событий в принципе и возможно, то вероятность его все же не очень велика.

Нельзя забывать о том, что мощная восходящая траектория в развитии «постиндустриальной модели» скорее всего сохранится еще на несколько десятилетий. Поэтому современный кризис логичнее сравнивать не с кризисом 30-х годов XX в. — временем поворота к закату индустриальной цивилизации, а с периодом ее взлета, т.е. кризисами 1837, 1847 и 1857 гг. И тогда кризисы постепенно обрели характер мировых, однако поступательная тенденция в развитии все же победила.

С другой стороны, после финансового «обвала» (первая фаза кризиса) вторая волна ординарного кризиса в реальной экономике может оказаться слабее, чем мы думаем. Во всяком случае, именно так произошло после азиатского кризиса (1997—1999 гг.). Ранее, вплоть до начала 90-х годов реальная экономика была проекцией прежней индустриальной модели, сейчас она все больше становится проекцией новой информационно-сервисной экономики, которая пока лучше выдерживает удары кризисов. Причем касается это уже не только центров, но все в большей мере и периферии (см. рис. 3).

Несмотря на все сдерживающие факторы, нынешний кризис может оказаться тяжелым и иметь серьезные последствия. Во-первых, речь идет о мировом кризисе в формате принципиально новой информационно-сетевой среды. В таких условиях объектом биржевых спекуляций фактически становятся сами кризисные ожидания. Каждая порция дополнительной (нередко противоречивой) информации ежедневно вызывает значительные колебания биржевых индексов, а сетевые дилеры получают от этого немалые доходы. Остановить это процесс крайне сложно.

Во-вторых, в условиях хронического сжатия кредитных механизмов можно ожидать начала мощной «корпоративной революции». Поле «конкурентной битвы» при этом может остаться не за самыми мощными объединениями, «динозаврами бизнеса» XX в. Выиграть способны более «компактные» и специализированные компании, которые сумеют избавиться от лишних звеньев и при этом широко использовать практику сетевого предпринимательства, выстраивания производственных цепочек, стратегических альянсов и новых форм ведения бизнеса.

* К-цикл (или «длинная волна») открыт русским экономистом Николаем Кондратьевым и в среднем составляет 50 лет с возможным отклонением в 10 лет (от 40 до 60 лет). Считается связанным с волнами технических изобретений и их практическим использованием. — Подробнее см.: А.В.Б о р о в н и к о в. Макроциклы в экономике стран Латинской Америки. М., 2004, с. 42—69.

Рис. 1. ДИНАМИКА БИРЖЕВОГО ИНДЕКСА S&P 500 В 1928–2008 ГГ.

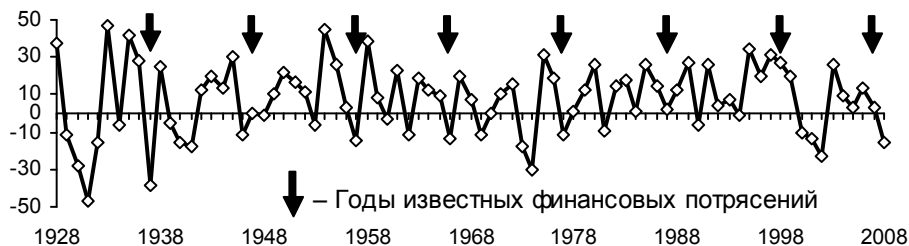

Рис. 2. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ СЛУЧАЕВ ПАДЕНИЯ ИНДЕКСА S&P 500 ПО ГОДАМ КАЖДОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ (1800–2008 ГГ.)

Рис. 3. ЧАСТЬ ЭКОНОМИКИ, ОХВАЧЕННОЙ КРИЗИСОМ

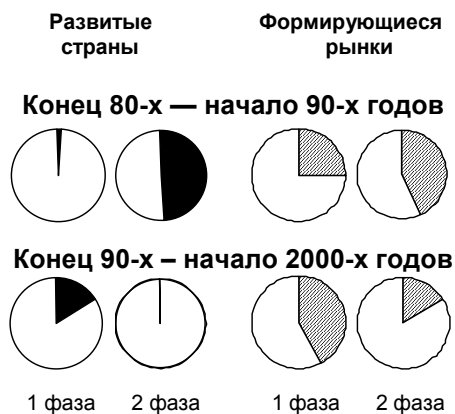
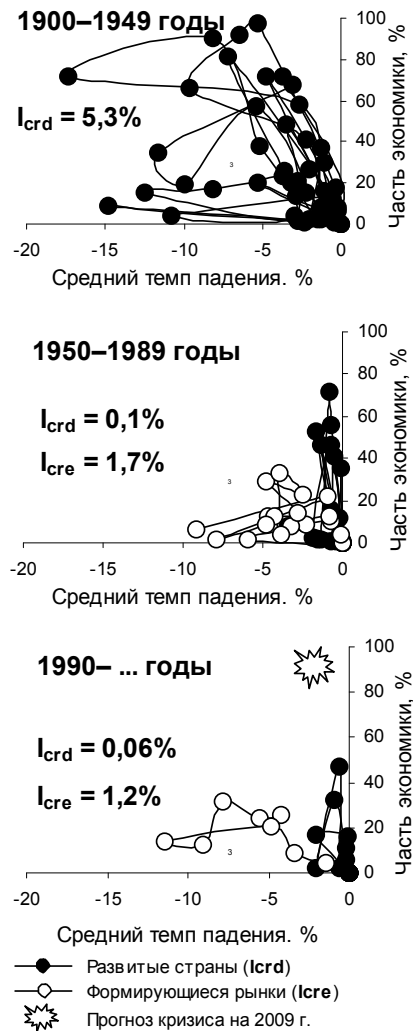

Рис. 4. ОХВАТ КРИЗИСОМ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ГЛУБИНА ПАДЕНИЯ ВВП (%)

В-третьих, при любом результате текущего кризиса мир втягивается в десятилетие экстраординарных финансово-экономических потрясений. За прошедшие годы количество и размер «мыльных пузырей» настолько выросли, что вся международная финансовая система стала похожа на «большую финансовую пирамиду». После азиатского кризиса рынок деривативов подскочил в семь раз до чудовищной суммы в 683 трлн долл., а ежедневный оборот на валютных рынках за два десятилетия увеличился в шесть раз до 3,2 трлн долл. Какой сегмент финансовых рынков ни возьми, картина та же. Банки несут фантастические потери и по существу работают на «холостом ходу», а вся финансовая система теряет устойчивость.

Временное «высвобождение» капитала в депрессивной фазе характерно не только для ординарного цикла, но и для более масштабного перехода от индустриальной к постиндустриальной цивилизации. Однако период «финансовой свободы», свойственный для глобализации, не вечен. Пора преодолевать парадоксальную ситуацию, которую главный редактор Интернет-издания «Bloomberg News» М.Винклер образно назвал «глобализацией без глобального управления». Перед государственными институтами, группировками стран, интеграционными блоками стоит одна центральная задача — примерно за десятилетие развернуть капитал на развитие производственной базы информационно-сервисного общества. Возможно, какие-то вопросы придется решать и на уровне глобальных соглашений под эгидой ООН (по образцу уже действующих с 2000 г. «глобальных пактов»). Ясно одно: без серьезных шагов в этом направлении можно просто распрощаться с единством мировой экономики и надолго «зависнуть» в хроническом финансовом кризисе.

И.К.ШЕРЕМЕТЬЕВ, доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИЛА РАН

Утрата средств самозащиты

Исследователи нередко фиксируют внимание на так называемом «кризисе ипотеки» в США, который и дал толчок мировому кризису, но при этом почти не раскрывают его предпосылок.

Как свидетельствует исторический опыт, кризису, как правило, предшествует экономический бум, приводящий к «перегреву экономики» и максимальной загрузке имеющихся производственных мощностей. Чем был вызван «перегрев» экономики США в канун наступившего кризиса? Канцлер ФРГ А.Меркель по этому поводу образно заметила: Америка в последнее время «жила не по карману». Так и было: высокий уровень потребления не соответствовал реальным доходам населения. Особенно это касалось той его части, которая стремилась повысить свое благосостояние «в долг», не за счет увеличения семейных доходов, а за счет заемных средств.

В «подготовку» ипотечного кризиса немалую лепту внесли и крупнейшие транснациональные банки США. Располагая огромными денежными ресурсами, в том числе за счет стекавшихся в США накоплений других стран, они стремились к одному — разместить их как можно выгоднее для себя, необдуманно используя для этого обстановку ажиотажного потребительского спроса. Достаточно было одного сбоя на ипотечном рынке, что-

бы произошла цепная реакция неплатежей во всей кредитно-банковской системе США. Для «перегретой» американской экономики это обернулось кризисом перепроизводства в ряде ведущих отраслей хозяйства, и прежде всего в жилищном строительстве и автомобильной промышленности.

Можно вспомнить слова В.В.Путина, отметившего, что причины поразившего мир кризиса кроются в глубоких диспропорциях современной мировой экономики. К главным из них, видимо, следует отнести гипертрофию развития финансовой сферы и ее отрыв от реальной экономики. Неимоверных размеров достиг фиктивный капитал, обращающийся на основных фондовых рынках мира. Капитал становится самостоятельной силой и прибирает к рукам все большую долю доходов, создаваемых в реальной экономике. Следствие — разбалансировка спроса и предложения на мировых товарных рынках.

Если говорить о Латинской Америке, то, по свидетельству экспертов ЭКЛАК, нынешний мировой экономический кризис затронул все страны этого региона, хотя и не в одинаковой мере. Под влиянием кризиса снизились темпы экономического роста, возникли затруднения с реализацией продукции на внешних и внутренних рынках, ухудшилось положение на рынках труда. Госбюджеты, «похудевшие» ввиду сократившихся поступлений от налоговых и таможенных сборов, ограничивают возможности правительств по решению проблемы преодоления бедности. К этому надо добавить сократившиеся денежные переводы от латиноамериканцев, уехавших на заработки в США и другие развитые страны, а также усиливающуюся инфляцию, наиболее болезненно сказывающуюся на беднейших слоях общества.

Неслучаен и тот факт, что наиболее сильно задетой кризисом оказалась Мексика. Глубоко втянувшаяся в процессы североамериканской экономической интеграции (НАФТА), она уже в 2008 г. ощутила на себе негативные последствия финансово-экономического кризиса в США. Ее хозяйственный рост приблизился к нулевой отметке, заметно ухудшились и другие макроэкономические показатели.

Все это — результат того, что глубоко втянутые в водоворот глобализации латиноамериканские страны оказались по существу беззащитными перед лицом мирового кризиса. Такими их сделали неолиберальные реформы 90-х годов прошлого столетия, стратегия «выталкивания государства из экономики», приватизация его активов в ключевых отраслях, передача значительной их части в руки большого транснационального бизнеса. Под его пятой оказались не только наиболее доходные отрасли производства, но и кредитно-банковская система, призванная стимулировать внутренние сбережения и накопления.

Были утрачены средства самозащиты, которые применялись прежде, при госкапиталистической модели развития. Такими были избирательная протекционистская политика, прикрывавшая внутренние рынки от разрушительной внешней конкуренции, поддержка национального частного капитала, в частности малых и средних предприятий, ограничение доступа иностранного капитала в стратегически важные сектора национальной экономики.

Неслучайно, выступая на страницах журнала «Revista de la CEPAL» (2006, № 3), бывший исполнительный секретарь ЭКЛАК Энрике Иглесиас поставил вопрос о необходимости разработки для стран региона новой парадигмы (модели) развития, которая бы отвечала вызовам времени и при которой бы ведущую роль в защите национальных интересов, в решении проблем развития играло государство.

В.А.КРАСИЛЬЩИКОВ, доктор экономических наук, зав. сектором общих проблем Центра проблем развития и модернизации ИМЭМО РАН

Уроки для новых индустриальных стран

По мере того как начавшийся в сфере ипотечного кредитования в США кризис распространялся на всю кредитно-финансовую сферу, а затем и на реальный сектор экономики, его все больше сравнивают с Великим кризисом 1929—1933 гг. Думаю, что для таких сравнений есть некоторые основания, хотя правильнее было бы сопоставить нынешнюю ситуацию с той, что наблюдалась в 1974—1976 гг. Сегодня трудно представить себе, что в какой-либо развитой или среднеразвитой стране (а ряд стран Латинской Америки по мировым меркам относится как раз к последним) объем ВВП сократится на 30—40%, как это было в начале 30-х годов. Но дело даже не в количественных показателях, а в качественном содержании процессов, которые протекали в мировой экономике 80 лет назад и протекают теперь. Так что попытки безоговорочно сравнивать нынешние потрясения с Великой депрессией по своей сути антиисторичны. Они имеют некоторый смысл только при сопоставлении этих кризисов по отдельным параметрам, либо на уровне теоретических обобщений.

В начале 30-х годов кризис был как циклическим, так и структурным. Тогда новые отрасли, ориентированные на массовое потребление (автомобилестроение и т.д.), столкнулись со старым капитализмом угля и стали, засильем монополий, биржевой спекуляцией, безмерной алчностью «буржуинов», низкой зарплатой рабочих масс — со всем, что мешало расширению рынков. В тех условиях фордистско-кейнсианская модель, т.е. государственное регулирование и обуздание рыночной стихии, равно как и искусственное поддержание спроса, вполне соответствовала кругу экономических задач, которые приходилось решать политикам стран Запада.

Сегодня «новые» когда-то отрасли очевидно являются «старыми», причем стали таковыми еще 30 лет назад. Недаром уже в конце 60-х — начале 70-х годов предпринимались попытки вдохнуть в них новую жизнь путем фактического пересмотра всей системы фордистско-кейнсианского, функционально-менеджерального капитализма. Всевозможные программы «обогащения труда», самоуправления на производстве и т.д. объективно ставили под сомнение существование не только классического, частнособственнического капитализма, но и корпоративного капитализма середины XX в., который в принципе может быть «капитализмом без капиталистов».

Что продлило жизнь старым и лишь частично модернизированным отраслям экономики? Что продлило жизнь капиталистическим структурам в целом? Отчасти — социальный реванш со стороны капитала, который опирался на микроэлектронно-информационную революцию. Микропроцессор, автоматизировав многие производства, позволил подорвать позиции профсоюзов, сделать лишними многие категории трудящихся, которые потенциально были готовы пополнить армию сторонников антикапиталистических преобразований.

На практике углубление социальной дифференциации и упрощение социальной структуры при дроблении многих социальных групп ведет к су-

жению рынка. От этого страдают, прежде всего, новые индустриальные страны, чьи экономики сильно связаны с рынком развитых государств: Мексика, Коста-Рика, азиатские «тигры» и, конечно, Китай. Истоки сегодняшнего кризиса нужно искать не только в финансовой сфере, но и в изменениях за последние годы социальной структуры, как в странах центра, так и промышленной полупериферии.

Что касается НИС, особенно азиатских, то кризис просто не мог не затронуть их в силу ассоциированно-зависимого характера развития. Думаю, что концепция, предложенная в свое время бразильцами Ф.Э.Кардозо и Э.Фалетто для Латинской Америки, еще в большей мере применима к Китаю, Малайзии, Таиланду и даже Корею и Сингапуру. Там в полной мере проявились все те диспропорции, которые неизбежно возникают в ходе быстрого ассоциированно-зависимого развития — разрыв в уровнях развития отдельных регионов, дисбалансы между передовыми и отсталыми отраслями, зависимость от внешних рынков и т.д. Соответственно, и для восточноазиатских «драконов», и для Китая, и для ведущих стран Латинской Америки выход из кризиса видится не столько в решении кредитно-финансовых проблем (что, конечно, тоже очень важно), сколько в исправлении «наследия» их ассоциированно-зависимого развития.

А.А.ЛАВУТ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН

Интеграция — лекарство от кризиса?

Начиная с октября 2008 г. практически во всех латиноамериканских группировках регионального и субрегионального уровня прошли совещания, посвященных кризису. Везде звучали призывы к укреплению интеграции в ответ на вызовы кризиса, к развитию внутрирегионального рынка, как альтернативы традиционным экспортным рынкам.

Наиболее же представительным был общерегиональный саммит в бразильском штате Баия, созванный по инициативе президента Лулы да Силвы в декабре прошлого года. В нем приняли участие руководители и представители 33 стран Латинской Америки и Карибского бассейна, включая Кубу. Все они поддержали идею создания в 2010 г. Организации латиноамериканских и карибских государств, которая должна объединить разрозненные интеграционные группировки, существующие в регионе. Прозвучали и самые разные предложения, касающиеся мер по борьбе с кризисом, — от создания единого государства с населением 550 млн человек, общим рынком и единой валютой (У.Чавес) до финансирования программ поддержки малых предприятий для решения проблемы безработицы.

Ряд инициатив был выдвинут на совещаниях, прошедших в последние месяцы в Центральноамериканском общем рынке (ЦАОР), Андском сообществе и Карибском сообществе и общем рынке (КАРИКОМ). Очевидно, что, разрабатывая меры противостояния влиянию мирового кризиса на экономику, правительства стран ЛКА возлагают большие надежды на интеграцию и взаимное сотрудничество.

Попытаемся оценить реальность некоторых высказанных предложений и в целом возможности интеграции в деле борьбы с кризисом. В период

кризиса не стоит ожидать сколько-нибудь существенного продвижения по пути интеграции в ее классических формах — от ЗСТ к таможенным союзам, общим рынкам и экономическим союзам. Столь же малоосуществимы предложения о развитии региональных рынков и переориентации на них торговых потоков. Многолетний опыт изучения интеграции показывает, что внутрирегиональная торговля не является антициклическим фактором, наоборот, неоднократно подтверждался проциклический характер ее развития. В периоды кризисов обычно усиливаются тенденции к односторонним протекционистским мерам во взаимной торговле, последняя сокращается, а консолидация торгово-экономических союзов становится нереальной. Так было во время кризиса 80-х годов, когда внутрирегиональная торговля упала почти вдвое. В период азиатского кризиса торговля в Андском сообществе наций (АСН) и Меркосур сократилась на треть.

Едва ли и сейчас реакция на кризис будет иной, хотя в некоторых документах региональных организаций выражается надежда на то, что экономика региона стала более зрелой, и протекционистских мер во взаимной торговле можно будет избежать. Нужно учитывать, что за последние годы страны региона заключили немало соглашений о свободной торговле с развитыми странами. Такие соглашения предусматривают более жесткую дисциплину выполнения взаимных обязательств, чем региональные и субрегиональные торговые соглашения об интеграции. И естественно ожидать, что именно соглашения первой группы будут соблюдаться строже, возможно, в ущерб интеграции. В условиях кризиса сама взаимная торговля нуждается в поддержке и защитных мерах. Она в этом плане очень уязвима и не может играть роль «щита» от кризиса. Последние события лишь подтверждают эту закономерность. В январе-феврале 2009 г. Бразилия и Аргентина из-за ухудшения состояния торгового баланса ввели ограничения импорта, вследствие чего взаимная торговля сократилась на 40%.

В существующих интеграционных группировках не наблюдается консолидации и ускорения процессов интеграции. Не удастся принять даже давно согласованные решения. В КАРИКОМ откладывается создание единого рынка, запланированное на 2009 г. В Меркосур не удастся принять таможенный кодекс и ликвидировать двойное налогообложение на импортные товары, то есть создать единое таможенное пространство. Завис вопрос о принятии в эту организацию Венесуэлы в качестве полноправного члена. Усилились разногласия в АСН, особенно после решения ЕС проводить переговоры с каждой страной этой группировки в отдельности. Более спокойная ситуация в ЦАОР, но и там отмечена тенденция к фракционности.

Традиционные группировки топтались на месте в течение всего последнего десятилетия, они застряли на уровне незавершенных торговых соглашений, а АСН внутренние противоречия поставили едва ли не на грань распада. Вместе с тем возникли новые группировки — Месоамериканский проект, или План Пуэбла — Панама, Боливарийская альтернатива для Америк (ALBA), Союз южноамериканских наций (Unasur). Они очень разные, но имеют одну общую черту — концентрируются не на торговле, а на сотрудничестве в области социальной и экономической инфраструктуры. Иными словами, налицо тенденция к преобладанию сотрудничества над классическими формами интеграции. Причина очевидна — усиление политических и идеологических различий между странами. На мой взгляд, в

Латино-Карибской Америке (ЛКА) в настоящее время идеи национального суверенитета начинают преобладать над идеями интеграции.

В свете сказанного наиболее реальной формой объединения усилий стран региона для противодействия кризису можно считать не столько укрепление существующих группировок, сколько экономическое и политическое взаимодействие в более или менее свободных формах, не обязательно в рамках существующих группировок. Перспективным, в частности, представляется сотрудничество в выработке единых позиций латиноамериканских стран в отношении перестройки международной финансовой системы.

Ю.С.ГРИНФЕЛЬДТ, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Охрана окружающей среды под угрозой

Первыми и неизбежными жертвами финансовых потрясений становятся не только социальные, но и экологические программы, которым в Латинской Америке уделяется особое внимание. Именно в последние три десятилетия в регионе активно внедряются механизмы контроля за состоянием окружающей среды и рациональным использованием природных ресурсов: подписание международных конвенций, сертификация лесной и рыбной продукции, внесение изменений в законодательство отдельных стран, разработка национальных стратегий и др. В частности, немало сделано для развития сети особо охраняемых природных территорий (ООПТ). В регионе расположено 4437 сухопутных и морских ООПТ общей площадью 350 млн га, в том числе 40 биосферных заповедников ЮНЕСКО.

После принятия известной стратегии ООН «Цели тысячелетия» (2000 г.) темы состояния окружающей среды и бедности стали обсуждаться латиноамериканскими странами совместно. Понятно, например, что некачественные жилищные условия влекут за собой ухудшение санитарной обстановки в населенных пунктах, загрязнение водных объектов и т.п. Именно комплексный подход к решению означенных проблем был характерен для последнего ежегодного colloquium Международного союза охраны природы (Мехико, 2008) по теме «Сокращение нищеты и защита окружающей среды», собравшего более 200 специалистов из 21 страны Латинской Америки. Широко обсуждается и другая проблема — продовольственная. На совещании ООН «Разработка механизмов региональной координации» (Чили, 2008) эксперты предположили, что от нехватки продуктов питания в 2009—2010 гг. могут пострадать до 6 млн человек. Это — весомый аргумент в пользу интенсификации сельского хозяйства, хотя обратной стороной уже стало заметное обострение проблемы деградации земель.

Как кризис может повлиять на отмеченные программы? Учитывая, что сама по себе природоохранная деятельность не играет ключевой роли в формировании бюджетов различных уровней, можно полагать, что финансирование проектов в экологической сфере будет сокращаться в первую очередь. Будут продолжаться снижаться зарплата сотрудников крупных ООПТ, урезаться расходы на мониторинг, а из-за спада туристической активности — сокращаться образовательные и экскурсионные программы в

национальных парках. Замораживаются и локальные проекты, например, установка новых фильтров на сточные воды в городе Тукуман в Аргентине или разработка систем оплаты за пользование экосистемами Амазонии.

Нельзя не учитывать и еще одного аспекта: из-за нехватки финансирования неизбежно будет снижен контроль над использованием природных ресурсов, что повлечет возрастание нелегальных рубок ценных пород тропических деревьев, браконьерство. Даже в условиях глубокого кризиса государство не может отказаться от природоохранной политики, хотя проводить ее становится очень сложно.

В.А.ТЕПЕРМАН, кандидат экономических наук, директор Центра экономических исследований ИЛА РАН

Финансовое сотрудничество — не панацея

В условиях глубокого и продолжительного финансового кризиса вопрос об источниках внешних заимствований приобретает первостепенное значение. В ближайшие годы размещение облигационных займов на международных рынках капитала столкнется с серьезными трудностями. Одновременно, без сомнения, значительно возрастет значение кредитов международных финансовых организаций, прежде всего действующих в Латинской Америке. Это — Межамериканский банк развития (МАБР), Андская корпорация развития (АКР), Центральноамериканский банк экономической интеграции (ЦАБЭИ) и Карибский банк развития (КБР), приступившие к практической деятельности еще в 60—70-х годах.

О повышении роли кредитов региональных финансовых организаций в период экономических трудностей свидетельствует опыт прошедших кризисов. Например, в начале 90-х годов, когда внешние ресурсы были легко доступны, на АКР приходилось 6,5% чистого притока средств в андские страны из-за рубежа и 11,4% от получаемых ими из международных источников. В период экономического кризиса 1998—1999 гг. при резком сокращении внешнего финансирования доля АКР возросла, соответственно, до 41,2 и 46,7%.

В последние десятилетия многосторонние кредитные учреждения регионального и субрегионального уровня резко увеличили масштабы своих операций. Годовой объем передаваемых ими ресурсов приближается к 20 млрд долл. Межгосударственные банки Латинской Америки уже имеют опыт мобилизации и распределения кредитных ресурсов в условиях пертурбаций в мировой и региональной экономике. В 1994—1995, 1998—1999 и 2001—2002 гг. на практике использовались специальные кредитные линии для преодоления последствий чрезвычайных финансовых ситуаций. Предусмотрены такие меры и во время нынешнего кризиса. Так, в МАБР создана линия для пополнения ликвидности латиноамериканских банков на сумму в 6 млрд долл., 900 млн из которых уже предоставлено заемщикам.

В октябре 2008 г. АКР открыл кредитную линию в 1,5 млрд долл. для пополнения ликвидности, а первый кредит в 400 млн был выделен Перу в феврале 2009 г. Представляется, что именно АКР предстоит сыграть особую роль в кризисной ситуации. Корпорация стремительно превращается

из субрегионального учреждения в банк общерегионального масштаба. В 2008 г. к учредителям — Боливии, Венесуэле, Колумбии, Перу и Эквадору в качестве полноправных членов присоединились Аргентина, Бразилия, Панама, Парагвай и Уругвай (ранее — нерегиональные члены).

Новым явлением стало и объединение усилий региональных кредитных институтов в борьбе с кризисом. В октябре 2008 г. МАБР, АКР и Латиноамериканский резервный фонд достигли принципиальной договоренности о создании на время кризиса специального фонда на сумму в 10,6 млрд долл. для предоставления помощи в случае возникновения чрезвычайных ситуаций.

Очевидно, в обозримой перспективе страны Латинской Америки смогут полагаться преимущественно на финансовые ресурсы уже давно действующих в регионе многосторонних институтов. Возможности создания новых коллективных кредитных учреждений представляются более чем сомнительными. Об этом свидетельствует фактическое бездействие Банка Юга, формально учрежденного в декабре 2007 г. К середине 2008 г. члены банка — Аргентина, Боливия, Бразилия, Венесуэла, Парагвай, Уругвай и Эквадор не смогли достичь взаимопонимания по главным вопросам его деятельности, что предполагалось сделать в течение 60 дней с момента подписания учредительного протокола. В условиях растущей нехватки свободных средств странам-учредителям вряд ли удастся мобилизовать 7 млрд долл., как это изначально планировалось. Трудности с реализацией идеи создания еще одного межгосударственного банка связаны не столько с кризисом, сколько с разногласиями между участниками относительно принципов его деятельности.

Еще фантастичнее выглядит идея создания единой региональной валюты. Для этого еще долгое время не будет необходимых предпосылок, начиная от эффективной координации макроэкономической политики до наличия сходного валютного режима. Если же по политическим соображениям несколько стран пойдут на подобный эксперимент, то его результаты будут, скорее всего, негативными.

П.П.ЯКОВЛЕВ, кандидат исторических наук, генеральный директор ИЛА-Консалтинг

Антикризисные меры аргентинских властей

Пожалуй, ни одна другая латиноамериканская страна так остро не воспринимает этот кризис, как Аргентина. Слишком свежи еще воспоминания о той экономической катастрофе, которую она пережила в начале текущего десятилетия.

Нынешний мировой финансово-экономический кризис захватил Аргентину в тот момент, когда ее экономика была на подъеме. В 2003—2008 гг. ВВП вырос почти на 65%, экспорт увеличился практически в три раза, а валютные резервы Центробанка — в четыре с половиной раза. Благодаря частичной реструктуризации государственной задолженности аргентинским властям удалось снизить долговую нагрузку. Страна ощутимо продвинулась вперед в деле индустриализации и формирования новых «очагов развития», включая сектора с высокой инновационной составляющей. Экономическая система в целом характеризовалась возросшим уровнем

диверсификации, имели место позитивные подвижки в сфере внешней торговли и в социальной области. Складывалось впечатление, что аргентинская нация «нащупала» эффективную модернизационную модель, и национальная экономика после десятилетий потрясений и кризисов выходит на траекторию устойчивого развития.

Однако в самое последнее время мировой кризис не только круто изменил в худшую сторону внешние условия бизнеса для аргентинских товаропроизводителей, но и более четко выявил слабые места и болевые точки нынешней модели. Известный экономист Карлос Мелконьян заметил, что в 2008 г. аргентинская экономика получила два сильнейших удара: мегабегство капитала (за год больше 20 млрд долл.) и падение цен на основные товары национального экспорта.

К марту 2009 г. аргентинские власти в основных чертах уже сформировали пакет антикризисных мер и предприняли ряд конкретных шагов в русле той макроэкономической стратегии, которой последовательно придерживались правительства Н.Киршнера и К.Фернандес де Киршнер. Главным было: расширение государственных инвестиций; поддержка реального сектора; налоговое стимулирование инвестиционного и инновационного процесса; поддержание потребительского спроса; поощрение экспорта; реструктуризация части суверенной задолженности; меры по продвижению торгово-экономических интересов Аргентины.

Конкретные решения и действия официального Буэнос-Айреса прежде всего касались финансово-бюджетной сферы. Был принят ряд мер фискального и социального характера, в том числе: частичное сокращение налогообложения физических лиц, увеличение минимального размера пенсий (с 690 до 770 песо в месяц), учреждение Экономического и социального совета с участием представителей всех основных секторов аргентинского общества. Радикальное значение имело решение ликвидировать созданную в период неолиберальных реформ частную накопительную пенсионную систему, что передавало под контроль государства значительные средства — около 95 млрд песо. Был увеличен объем государственных инвестиций, преимущественно в строительство и развитие инфраструктуры, и основным направлением стала реализация так называемого «Плана общественных работ для всех аргентинцев». Последняя мера призвана обеспечить занятость 400 тыс. человек.

Скорректирована государственная кредитная политика. Через Банк аргентинской нации государство стало предоставлять «мягкие» кредиты малому и среднему бизнесу (на 10 лет из 14% годовых), открыло новые линии потребительского кредитования, в том числе — для приобретения автомобилей и других товаров длительного пользования, начало формирование линии субсидируемого государством ипотечного кредитования.

Продолжалась реализация мер, направленных на отсрочку выплаты долгов по гарантированным займам, выпущенным в 2001 г. В то же время изменилась политика по отношению к нелегально вывезенным капиталам. Так называемый «Антикризисный закон N 26.476», вступивший в силу 1 марта 2009 г., предоставил возможность в течение 180 дней «отбелить» размещенные за рубежом активы.

Целый ряд мер, естественно, касался сферы внешней торговли. Для укрепления конкурентоспособности аргентинских товаров власти пошли на

некоторое ослабление аргентинской денежной единицы — примерно до 3,6—3,7 песо за 1 доллар. Принимая некоторые меры протекционистского характера, аргентинское руководство координировало свои действия с партнерами, прежде всего с Бразилией. Дополнительные меры были призваны стимулировать экспорт, в частности, увеличение количества торговых миссий за рубежом и учреждение Федерального совета по вопросам внешней торговли для координации действий центральной власти и отдельных регионов. Одновременно был усилен контроль над импортом ряда «чувствительных» товаров — обуви, текстиля, электроники и некоторых других.

В сфере международных связей основные усилия направлены на а) укрепление сотрудничества с латиноамериканскими странами, в первую очередь, с Бразилией; б) изменение механизма функционирования МВФ, используя участие в работе Группы 20; в) улучшение отношений с США в свете новой политики правительства Б.Обамы (такие попытки уже делаются, и определенные надежды связываются с V саммитом Америк на Тринидаде и Тобаго); г) поиск новых зарубежных инвесторов и партнеров для развития стратегических секторов национальной экономики (визиты К.Фернандес де Киршнер в Россию и Испанию).

Тем самым аргентинские власти и в условиях кризиса не отходят от базовых принципов существующей модели и в рамках макроэкономической политики модернизации продолжают делать главную ставку на усиление государственного регулирования экономики. Однако разрастание кризисных явлений потребует новых крупных расходов, что может привести к разбалансировке бюджета и серьезно осложнит положение правительства накануне парламентских выборов в июне текущего года.

Л.Я.НУТЕНКО, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Аргентина и Уругвай: будет ли торможение экономики мягким?

В условиях глубокого экономического спада малые страны оказываются в наиболее сложном положении, учитывая возможность «инфицирования» кризисом с рынков соседей, с которыми они обычно тесно связаны. Именно это и происходило с Уругваем в последнем десятилетии (в 1998—1999 гг. и 2001—2002 гг.), когда его экономика негативно реагировала на экономические потрясения в субрегионе, особенно в Аргентине. У обеих стран много общего, и прежде всего сильная зависимость всей экономики от состояния экспортного сектора, по традиции опирающегося на агропромышленный комплекс.

В последние десятилетия к этому добавились и тесные связи в банковской сфере. Стоит ли удивляться, что в 2002 г. именно ее в Уругвае поставил на грань катастрофы аргентинский дефолт. Сейчас оба правительства весьма озабочены быстрым ухудшением ситуации на международных финансовых рынках. Следует, правда, признать, что в последние годы и Монтевидео, и Буэнос-Айрес проводили намного более осторожную валютно-финансовую политику, чем раньше. Однако нехватка внутренних финансовых ресурсов остается для них хронической проблемой. В Аргентине положение даже чуть хуже, учитывая резкое сокращение притока капитала из-за ру-

бежа и неурегулированность до конца проблемы просроченных после дефолта 2002 г. долгов. По мере разрастания мирового кризиса и удорожания кредита дефицит капиталов в аргентинской экономике усилился. Об этом, на наш взгляд, свидетельствуют глубокое падение в октябре 2008 г. на бирже Буэнос-Айреса, ускорившееся снижение курса песо и беспрецедентная национализация частных пенсионных фондов в ноябре 2008 г. В Уругвае подобные тревожные симптомы пока не наблюдаются.

Кроме того распространение кризисных потрясений на реальный сектор сулит Аргентине гораздо больше трудностей: она обладает разветвленной индустриальной системой, в которой велика роль отраслей, связанных с производством относительно дорогих предметов потребления длительного пользования (например, автомобилей), спрос на которые сейчас почти повсеместно стремительно падает.

Администрация К.Фернандес де Киршнер поддерживает попавшие в сложное положение отрасли (например, национализирован крупнейший аргентинский авиаперевозчик). Но поле для маневра у нее ограничено ввиду раздоров в правящей элите, в частности из-за отказа правительства ослабить налоговое бремя в аграрном секторе.

В то же время в отдаленной перспективе на 2010—2011 гг. возможен более оптимистичный сценарий развития экономик обеих стран. Всплеск мировых цен на продовольствие был лишь приостановлен начавшейся рецессией. Их долгосрочная динамика, несомненно, будет определяться такими факторами, как увеличение платежеспособного спроса на продукты питания в Индии и Китае, а также расширение использования земель для производства биотоплива. Да и сами цены на базовые группы продовольствия в нынешней непростой ситуации демонстрируют существенно большую устойчивость по сравнению с ценами на нефть и металлы. Немаловажное значение имеет и достигнутая в последние годы географическая диверсификация экспорта Аргентины и Уругвая с усиливающейся ориентацией на Китай. Иными словами обе страны до сих пор сохраняют шансы на «мягкое торможение». И для Уругвая они заметно выше, хотя выше и риски быстрого ухудшения ситуации в случае резкой дестабилизации в экономике Аргентины.

В.Л.СЕМЕНОВ, кандидат экономических наук, зав. лабораторией компьютерных сетей ИЛА РАН

В Венесуэле свои особенности

Для многих нефтеэкспортирующих стран, включая Венесуэлу и Россию, мировой финансово-экономический кризис стал своего рода «моментом истины». С окончанием периода спекулятивно высоких цен на нефть обнажились существенные проблемы и слабости в их экономике: высокая зависимость госбюджетов от нефтяных поступлений, низкий уровень диверсификации промышленности и экспорта, связанная с этим повышенная потребность в импорте средств производства и предметов потребления. В итоге нефтяные страны оказались затронутыми кризисом больше, чем многие государства — импортеры нефти. Правительственный бюджет Венесуэ-

элы в 2008 г. впервые за последние четыре года был сведен с дефицитом (1,8%). Темпы прироста ВВП снизились с 8,4% в 2007 г. до 4,8%.

На ухудшение внешнеэкономической конъюнктуры в Венесуэле накладываются последствия нерешенных проблем и ошибок, накопившихся в предшествующие годы. За последние пять лет к их числу можно отнести сохранение валютного контроля и контроля над ценами на товары массового спроса, рост инфляции, неоправданно высокие темпы проведения национализации иностранной и частной национальной собственности в ключевых отраслях экономики, осуществление крупномасштабных социальных программ в ущерб инвестиционным проектам. Эти факторы привели к значительному ухудшению инвестиционного климата в стране. В 2006, 2007 и 2008 гг. отток прямых иностранных капиталовложений составил соответственно 2,7, 1,6 и 3,7 млрд долл., в то время как в предыдущие три года происходил их приток в размере от 0,7 до 1,4 млрд долл. в год. В нефтяной промышленности в 2006 г. иностранные инвестиции уменьшились более чем на 50%.

Положение усугублялось также тем, что по мере усиления (с 2002 г.) контроля государства над нефтяной промышленностью оно стало изымать из отрасли значительные средства с целью реализации социальных программ и других проектов. Ранее эти доходы использовались для пополнения золотовалютных резервов ЦБ. В 2006 г. объем выделенных на социальные цели ресурсов составил 11,8 млрд долл., а в 2007 г. — 14 млрд долл. Эти расходы более чем вдвое превышали инвестиции госкомпаний «Petróleos de Venezuela» (PDVSA) в развитие нефтяной промышленности. Недостаточность инвестиций стала одной из причин снижения на 12% производства нефти в 2005—2007 гг.

С 2007 г. началась радикализация политического курса: президент объявил о начале строительстве социализма. К концу 2008 г. установлен полный государственный контроль над нефтяной промышленностью, проведена крупномасштабная национализация в ряде других ведущих отраслей экономики. В феврале 2007 г. У.Чавес издал декрет о борьбе со спекуляцией, предусматривающий жесткие меры (штраф до 350 тыс. долл., тюремное заключение до шести лет, частичная или полная конфискация предприятия) против торговцев и частных предпринимателей, отказывающихся продавать товары первой необходимости по фиксированным государством ценам, которые нередко ниже издержек производства. В целях борьбы с инфляцией были повышены процентные ставки. Эти меры еще больше ухудшили инвестиционный климат и усилили отток иностранного капитала из страны. Если во многих странах мира повышение регулирующей роли государства рассматривается в качестве одного из условий преодоления кризиса, то в Венесуэле в ряде случаев избыточная и неадекватная роль государства стала причиной усугубления ситуации.

Действие многих факторов, включая падение экспортных доходов Венесуэлы, может привести в ближайшие годы к дальнейшему снижению экономической динамики и росту социальных противоречий. В связи с этим Венесуэле, как и другим нефтеэкспортирующим странам, приходится принимать неотложные меры. Один из путей решения возникших проблем власти видят в новых иностранных инвестициях в нефтяную промышленность, которые, по мнению экспертов, могут осуществить, прежде всего, уже работающие в отрасли зарубежные компании.

Правительство осуществляет также меры по значительному сокращению бюджетных расходов и импорта. В борьбе с кризисными явлениями ему неизбежно придется использовать валютные резервы, размещенные в Центральном банке и в ряде правительственных фондов, которые составляли в конце января 2009 г. около 50 млрд долл. Как представляется, Венесуэла может рассчитывать на финансовую помощь со стороны Китая, например, в счет будущих поставок нефти. Подобная договоренность была достигнута в феврале 2009 г. между Китаем и Бразилией. Возможно и обращение за помощью к России, которая уже согласилась в ноябре 2008 г. предоставить Венесуэле 1 млрд долл. под закупки вооружений. Не исключено, что в случае дальнейшего усугубления ситуации правительству придется сократить объемы реализации социальных программ, финансируемых из средств PDVSA, а также размеры помощи латиноамериканским странам.

Л.Б.НИКОЛАЕВА, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Боливия сопротивляется...пока

Воздействие кризиса, которое Боливия стала ощущать на себе осенью 2008 г., не сильно отразилось на ее финансовом секторе в силу его слабой включенности в соответствующую глобальную систему. Зарубежные активы и пассивы ее банков составляют лишь 11,7% и 3% их общего объема. Резких колебаний обменного курса боливиано пока не произошло. Однако ожидания девальвации привели к тому, что с сентября 2008 г. наметилась тенденция к увеличению долларовых вкладов, хотя в предшествующие три года объем операций в национальной валюте рос более быстрыми темпами.

Отметим, что за три года правления нынешнего президента Эво Моралеса, взявшего курс на национализацию стратегических отраслей, Боливии удалось создать определенный «запас прочности». Сравнительно высокими были темпы экономического роста (4,6% в 2007 г., 5,8% в 2008 г.). Впервые за много лет в 2006 г. был получен профицит бюджета в 5,9% ВВП. Чистый приток прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в страну в 2008 г. составил 508 млн долл., что на 40% больше, чем в 2007 г. Повышение мировых цен на сырье во многом обеспечило рост стоимости экспорта Боливии в 2005—2008 гг. с 2,8 до 6,4 млрд долл. Благоприятная конъюнктура способствовала увеличению золотовалютных резервов до 7,8 млрд долл. в январе 2009 г. (в 2005 г. — 1,8 млрд). Уровень внешней задолженности к концу 2008 г. — 2438 млн долл. был вдвое ниже по сравнению с 2005 г. Причем краткосрочная задолженность составляет лишь 51,2 млн долл. Более 63% всего внешнего государственного долга имеет срок погашения от 11 до 30 лет. Подобная структура на фоне сравнительно высоких золотовалютных резервов не вызывает особых опасений.

Осенью 2008 г. стало очевидным, что основные двигатели экономического роста «снижают свои обороты». Прежде всего, мировая рецессия негативно отразилась на внешней торговле. Падение спроса и мировых цен на основные экспортные товары Боливии привело к снижению валютных

поступлений. Сократился также вывоз продукции обрабатывающей промышленности. Одновременно кризисные явления сказались на замедлении притока иностранных инвестиций. Сузились и возможности заимствования на международных рынках, что существенно осложнило работу экспортерам и частным инвесторам.

Закрытие предприятий, в первую очередь горнодобывающей отрасли, привело к пополнению армии безработных. Одной из основных антикризисных мер стало создание новых рабочих мест на нетрадиционных производствах — предприятиях по изготовлению бумаги и картона, цементных и сахарных заводах. Правительство намерено продолжить реализацию программ по поддержке малого и среднего предпринимательства.

Финансовая стратегия властей предполагает сокращение капиталовложений в низкопродуктивные отрасли, упрощение системы налогообложения, установление приоритетов при выборе инвестиционных проектов, сдерживание бюджетных расходов, проведение взвешенной политики в области обменного курса. Правительственный план противодействия кризису на 2009 г. предусматривает увеличение государственных инвестиций на 20,6%. Намечено увеличить ассигнования на объекты инфраструктуры, прежде всего на строительство дорог (на 47%), а также на развитие энергетического сектора, сельского хозяйства, горнорудной промышленности, межотраслевых проектов, городского и жилищно-коммунального хозяйства. Следует, однако, учитывать, что политическая нестабильность и напряженность в обществе не позволяют правительству урезать расходы на социальные программы при выборе антикризисной стратегии.

Т.Н.ИВЛЕВА, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИЛА РАН

Сальвадор: плоды зависимости от рынка США и долларизации

Потенциал сопротивляемости Сальвадора кризису базируется на диверсификации экономики, ставшей результатом проведения неолиберальных реформ, в первую очередь приватизации госсобственности, в том числе банков, долларизации экономики, либерализации финансовой системы и торговли, приведшие к санации и укреплению банковской и всей финансовой системы. Эти меры способствовали повышению конкурентоспособности Сальвадора на региональном рынке и созданию благоприятного инвестиционного климата.

Однако по мере разрастания кризисных явлений многие результаты предшествующих реформ стали восприниматься уже не столь однозначно. В долларизации увидели серьезное препятствие для выработки и проведения самостоятельной денежной политики, особенно в условиях, когда банковская система на 95% оказалась в руках иностранного капитала. Работающие на экспорт сальвадорские «макиладорас» («отверточные» производства) оказались слишком зависимы от спроса на рынке США и конъюнктурных перепадов. Быстро сужается такой источник финансирования, как денежные переводы из-за рубежа уехавших туда на заработки сальвадорцев.

В целях усиления противостояния кризису национальные эксперты предлагают использовать валютные резервы (2,69 млрд долл.) на финансирование производственной сферы, в первую очередь сельского хозяйства, защищая его

от импорта с помощью таможенных тарифов, поддержать малый и средний бизнес и проведение кампаний по отказу от потребления импортной продукции, отменить НДС на продовольствие и медикаменты. Росту столь необходимой в условиях кризиса ликвидности способствовали поступления от недавней продажи трех крупных банков и сдачи в аренду нового порта Ла Унион, построенного японской компанией в заливе Фонсека.

Новый левый президент Маурисио Фунес, еще будучи кандидатом, на встрече с представителями МВФ, Всемирного банка и МАБР в ноябре 2008 г. подтвердил намерение укреплять макроэкономическую стабильность, сохраняя верность долларизации и применять бюджетную политику, направленную на рост социальных расходов и развитие инфраструктуры. Он обещал осуществить комплекс мер, направленных на поддержку кредитами производственной сферы, а также создать специальный стратегический резервный фонд. В ответ на эти заявления Всемирный банк и МАБР приняли решения предоставить Сальвадору значительные кредиты в объеме 450 и 400 млн долл., а МВФ выделил кредит в 800 млн долл., чтобы гарантировать платежеспособность Сальвадора на случай чрезвычайной ситуации.

А.Н.ПЯТАКОВ, кандидат политических наук, научный сотрудник ИЛА РАН

Меры блока ALBA

В рамках ALBA поисками оптимальных путей развития в нынешних условиях занимался III Внеочередной саммит этой группировки (Каракас, 26 ноября 2008 г.). В его работе приняли участие президенты Венесуэлы, Боливии, Никарагуа, Гондураса и Эквадора, а также заместитель председателя совета министров Кубы и премьер-министр Содружества Доминики.

Центральный вопрос встречи — формирование системы взаиморасчетов посредством введения общей виртуальной расчетной единицы «сукре» (SUCRE — аббревиатура от Sistema único de compensación regional («Единой системы региональной компенсации»). Переход от виртуальной к реальной валюте запланирован ориентировочно через полтора-два года. За образец здесь явно берется модель ЕС, который до введения испанского названия «евро» использовал виртуальное «экио». Сроки, обозначенные на саммите, выглядят чересчур оптимистичными, поскольку европейским странам для перехода от экио к евро потребовалось два десятилетия (1979—1999 гг.).

Введение сукре предполагает образование единой монетарной зоны, которая будет охватывать страны ALBA, а также Эквадор, имеющий в блоке статус наблюдателя. Основная цель — дедолларизация экономик блока и создание механизмов стимулирования и облегчения торгового взаимобмена. Банк ALBA, созданный в 2007 г., будет основным финансовым институтом, обеспечивающим функционирование единой монетарной зоны. Построение региональной финансовой архитектуры, по мнению членов ALBA, обеспечит необходимую финансовую независимость от доллара как глобальной валюты и тем самым создаст механизм смягчения ударов, вызываемых экономическим кризисом.

Попытка создания единой валюты в рамках ALBA не является очередным «чужацеством Чавеса», она вписывается в общемировые и региональные тенденции. С октября 2008 г. Бразилия и Аргентина производят дву-

сторонние расчеты в национальных валютах. Аналогичный договор был подписан 17 февраля 2009 г. между Бразилией и Колумбией. Нефтедобывающие страны Аравийского полуострова (Саудовская Аравия, Катар, Бахрейн, Кувейт) и Объединенные Арабские Эмираты планировали введение общей валюты уже в 2010 г., хотя, по оценкам экспертов, на это потребуется от 5 до 10 лет. Планы создания «единой денежной единицы Юга» У.Чавес вынашивает с того времени, когда ALBA находилась еще на стадии проекта, так что это не спонтанная мера, а продуманное решение, к которому подтолкнул глобальный кризис.

По итогам III саммита ALBA была создана техническая группа по разработке конкретных мер введения валюты и механизмов функционирования данной системы. На совещании министров экономики стран блока в декабре 2008 г. было принято решение об учреждении комиссии из шести технических комитетов, ответственных за различные направления реализации проекта. Учитывая интенсивность обсуждения этого вопроса, можно полагать, что предложение по созданию единой денежной единицы рассматривается как ключевой элемент антикризисной политики боливарианской группировки.

Л.Л.КЛОЧКОВСКИЙ, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИЛА РАН

Детерминанты кризиса и Латинская Америка

Говоря о глобальном кризисе, нельзя не подчеркнуть наличие своего рода «латиноамериканского парадокса». Его суть состоит в том, что в регионе, насколько можно судить по данным за 2008 г. и начала текущего года, масштабных проявлений кризиса не наблюдается (темпы роста ВВП Латинской Америки в 2008 г. составили 4,6%, на 2009 г. прогнозируется сокращение экономического роста, хотя и снижающимися темпами. По данным ЭКЛАК, ВВП региона в 2009 г. возрастет на 1,9%, а, по оценкам МВФ, — на 1,1%). На этом фоне обращает на себя внимание повышенное беспокойство по поводу складывающейся хозяйственной ситуации и перспектив ее дальнейшего развития в руководящих кругах большинства латиноамериканских стран, среди местных экспертов, да и населения в целом. Ведь все ведущие экономические публикации ЭКЛАК вышли в 2009 г. с объемными аналитическими разделами, посвященными кризису. Такая «опережающая» реакция связана, скорее всего, с необычным его характером. Понятно, что без уяснения специфики развивающегося кризиса, его реального масштаба и факторов его генезиса оценить обстановку в нашем регионе невозможно, как, впрочем, и наметить ориентиры антикризисной стратегии.

В основе нынешнего кризиса лежит кумулятивное воздействие трех основных элементов: во-первых, факторов циклического развития; во-вторых, усиливающихся дисбалансов и противоречий глобализации мировой экономики; в-третьих, возрастающих сбоев в функционировании действующих в центрах капитализма моделей развития. **И именно последний фактор во многом определяет углубление негативных процессов в мировой экономике.** А проявляется это и в кризисе либеральной модели (действующей в США), и в кризисе модели социально ориентированного

экономического развития (преобладающей в странах Западной Европы), которые в современных условиях, видимо, исчерпали свой потенциал.

Острая дискуссия продолжается и по поводу характера, реальных масштабов начавшегося кризиса. Оценки полярны: от попыток трактовать нынешнюю ситуацию как кратковременное циклическое колебание рыночной конъюнктуры до квалификации ее как начала формационного кризиса капитализма. Фактически речь идет о глобальном экономическом кризисе. Он охватывает не только отдельные области — ипотеку, торговлю, финансовый рынок, биржевые операции, но распространился и на весь реальный сектор мировой экономики. По мнению экспертов ЭКЛАК, кризис стал системным, т.е. охватывает все сферы экономической деятельности и требует фундаментальной перестройки моделей развития.

В сложившейся обстановке происходит глубокая модификация антикризисной стратегии центров капитализма. Ее суть состоит в переходе от косвенных методов государственного регулирования к использованию рычагов прямого воздействия на хозяйственную конъюнктуру и резкому расширению непосредственного участия государства в экономической деятельности. Конкретными и фактически беспрецедентными шагами на этом пути стали масштабные программы бюджетного финансирования, рассчитанные на стимулирование спроса и поддержку промышленных предприятий и банков.

Все это означает, что предпринимаются попытки фундаментальной корректировки действующих моделей развития. Этот курс находится в начальной фазе и пока не дает желаемого стабилизационного эффекта. Однако поиск новых моделей развития всегда представляет собой сложный, долговременный процесс, сопряженный к тому же с очень серьезными издержками.

Что касается перспектив воздействия кризиса на страны Латинской Америки, то здесь следует учитывать две особенности их развития в текущем десятилетии. Во-первых, заметный хозяйственный рост региона в 2003—2008 гг. носил во многом конъюнктурный характер и был связан со спекулятивным бумом на мировых рынках сырья, энергоносителей и продовольствия. Крупный приток дополнительных валютных средств способствовал улучшению макроэкономических показателей, но не привел к масштабным структурным изменениям в экономике большинства латиноамериканских стран, не ослабил комплекс острых социально-экономических противоречий, накопившихся в условиях неолиберализма. Спекулятивный рост не создал предпосылок для дальнейшего устойчивого развития.

Во-вторых, важнейшим итогом функционирования в регионе неолиберальной модели стало резкое усиление зависимости экономики большинства стран от внешнеэкономических факторов, а затем эта тенденция даже усугубилась. Экономика многих латиноамериканских государств отличается большой уязвимостью и способна потерять устойчивость в условиях резких изменений мировой конъюнктуры.

Центральным направлением антикризисной политики в регионе остаются меры, нацеленные на стимулирование спроса и поддержание деятельности финансово-банковской системы. Однако под влиянием процессов, протекающих в центрах, уже в ближайшей перспективе на повестку дня может встать вопрос о дальнейшей модификации действующей неолиберальной модели. За последние годы в этом плане произошли существенные перемены. Некоторые страны левой ориентации (Венесуэла, Боливия) отказа-

лись от неолиберализма и перешли на путь строительства «социализма XXI в.» с масштабным усилением роли государства в экономике. В Аргентине правительство избрало новый курс социально ориентированной экономической политики. Время покажет, насколько устойчивыми окажутся осуществленные преобразования и смогут ли они способствовать нейтрализации кризиса.

Что касается остальных латиноамериканских стран, то, видимо, следуя примеру центров, им придется стать на путь фундаментальной модернизации действующей неолиберальной модели. Но и в этом случае нельзя исключать существенного воздействия на ориентиры их экономической стратегии тех сдвигов в расстановке мировых сил, которые будут происходить в обстановке углубляющегося кризиса.

Подводя некоторые итоги прошедшей дискуссии, следует заметить, что все выступавшие обратили внимание на новизну и необычность текущего кризиса, равно как и на то, что этот кризис все еще находится в начальной стадии, а потому его возможные масштабы и главное — последствия до конца не ясны.

Важно и другое. В Латинской Америке кризисные процессы формируются под решающим воздействием внешних факторов — кризисной ситуации, складывающейся в центрах капитализма, в системе международных финансовых и валютно-кредитных отношений. А это, естественно, создает для латиноамериканистов определенные дополнительные трудности, ибо подобные проблемы, в известной мере, за пределами наших профессиональных интересов. Не исключено, что и в силу этих причин некоторые из сформулированных ключевых положений не всегда выглядят бесспорными и, видимо, нуждаются в определенном дополнительном анализе, продумывании и уточнении.

В целом же заслушанные нами выступления носят несомненно аналитический характер, отражают глубокую проработку темы и являются, как мне кажется, хорошей основой для дальнейшего исследования проблематики мирового экономического кризиса и его влияния на Латинскую Америку, для анализа эволюции позиции стран региона по вопросу о перестройке сложившегося миропорядка.